

Обзоры. Рецензии

Рец. на: Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–1918. Edited by Jaan Ross, Estonian Academy of Music and Theatre, Tallinn. (Das Baltikum in Geschichte und Gegenwart, Herausgegeben im Auftrag der Baltischen Historischen Kommission von Michael Garleff und Paul Kaegbein, Bd. 5). Böhlau Publishers. Cologne, Weimar and Vienna, 2012. 197 p.

В 2015 г. исполнилось 100 лет с начала проведения языковых и фольклорных записей военнопленных, оказавшихся во время Первой мировой войны в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии [1-6]. Среди них были представители разных этносов, в том числе финно-угорские народы России. Записи проводились на восковые валики с помощью фонографа Эдисона и шеллаковые пластинки с помощью граммофона. Долгое время об этом необычном для военного времени проекте было известно немногим. Лишь в последние годы исследователи обратили внимание на эти редкие звуковые материалы [1; 2].

В 2012 г. в издательстве «Böhlau Publishers» была опубликована книга авторского коллектива из Эстонии и Германии «Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–1918». («Скрытые голоса: эстонские звуковые записи из германских лагерей военнопленных в 1916–1918 гг.»). Редактор книги, автор Введения и 3-й главы – Яан Росс (Jaan Ross), известный эстонский ученый, музыковед и фонетист, профессор Эстонской академии музыки и театра.

Рецензируемая работа посвящена глубокому и многостороннему исследованию языковых и фольклорных записей этнических эстонцев, сделанных в 1916–1918 гг. в германских лагерях для военнопленных. Эти уникальные для сегодняшнего дня записи были сделаны в пяти лагерях, расположенных в Гиссене (Giessen), Мангейме (Mannheim), Нидерцверене (Niederzwehren), Пуххайме (Puchheim) и Виттенберге (Wittenberg). В работе также приводится карта с указанием мест расположения лагерей. Число информантов-эстонцев, участвовавших в процессе записей, составило 22 человека, а общее количество звукового материала – 43 записи. Записанный в лагерях материал представляет собой чтение текста, списка слов или числительных, а также исполнение песен. Записей игры на музыкальных инструментах не проводилось. Информанты были подобраны немецким лингвистом Германом Якобсоном (Hermann Jacobsohn), ответственным за работу с эстонскими военнопленными. В завершение книги в Приложении №1 (с. 178-179) приводится список информантов. Самый старший из эстонских информантов – родился в 1875 г., а самый молодой – в 1895 г., на тот момент их возраст составлял от 20 до 45 лет. Длительность звучания на фонографических валиках составляла от 1,5 до 2 мин., а на граммофонных пластинках – от 2 до 4 мин.

К работе приложен также CD с историческими записями, который подготовил ведущий звукоинженер Фольклорного архива Эстонского Литературного музея в Тарту Яан Тамм (Jaan Tamm). В диск вошли 43 записи, из которых 37 принадлежат Берлинскому университету им. Гумбольдта и 6 записей – Берлинскому Фонограммархиву.

Введение (с. 7–13) знакомит с историей создания книги, начавшейся в 2006 г., когда проф. Я. Росс впервые познакомился с коллекциями записей эстонских информантов во время посещения Берлинского Фонограммархива. До этого ни он, ни другие эстонские ученые не знали о существовании в Германии столь ценных звуковых материалов. В 2009 г. Я. Росс приступил к предварительному изучению записей в обоих Берлинских архивах и привлек к этой работе нескольких эстонских специалистов. Наряду с эстонскими авторами, в работе над книгой приняли участие коллеги из Германии.

Первая глава – «*Лаутархив Гумбольдтского университета Берлина*» (с. 14-26) – написана сотрудником этого архива Юргеном-Корнелиусом Маренгольцем (Jürgen-Kornelius Mahrenholz) и посвящена истории появления «военных» коллекций в берлинских звуковых архивах. Вскоре после начала Первой мировой войны немецкий педагог и общественный деятель Вильгельм Дёген (Wilhelm Doegen) выступил с идеей организации масштабных антропологических исследований военнопленных в лагерях Германии, включая проведение фонографических и граммофонных записей. По его инициативе 27 октября 1915 г. была создана Королевская Прусская Фонографическая комиссия, которую возглавил проф. Карл Штумпф, физиолог и акустик, основатель Берлинского Фонограммархива. К работе были приглашены 30 немецких ученых-филологов, антропологов и музыковедов. Деятельность комиссии была организована следующим образом: в каждом из лагерей сначала определяли носителей различных языков, затем из них выбирали информантов. Обследовав 31 лагерь, ученые

записали в общей сложности материалы 250 языков и диалектов, а также образцы традиционной музыки в исполнении военнопленных. Как правило, языковые записи проводились на шеллаковые пластинки, а фольклорные – на восковые валики. С 1915 по 1918 год было записано 1022 восковых валика, которые ныне хранятся в Берлинском Фонограммархиве, и 1650 шеллаковых пластинок, переданные впоследствии на хранение в Лаутархив университета им. Гумбольдта. На каждого информанта заполнялся подробный опросник (Personalbogen) с указанием его персональных данных. В книге на 20 страницах приводится копия такого опросника.

Во второй главе *«Солдаты эстонского происхождения среди русских военнопленных в Германии в 1914–1918 гг.»* (с. 27–40) ее автор, Рейнхард Нахтигаль (Reinhard Nachtigal), немецкий историк из университета Альберта-Людвига (г. Фрайбург), подробно описывает ситуацию с военнопленными из Российской империи. По его данным, около 1,5 млн. солдат оказались в германских лагерях и около 1,1 млн. – в лагерях Австро-Венгрии. Точных сведений относительно количества национальных меньшинств из России среди военнопленных неизвестно. Автор считает, что во время Первой мировой войны около 100000 эстонцев были призваны в русскую армию. Но достоверных цифр, сколько из них оказалось в немецком плену, также нет. И в Германии и в Австро-Венгрии военнопленные-эстонцы в числе представителей других финно-угорских этносов оказались в центре внимания немецких, австрийских и венгерских этнографов, антропологов, музыковедов и лингвистов. В отличие от австрийских коллег, немецкие исследователи не успели опубликовать сколь-нибудь серьезных работ на основе собранных материалов. Но именно эти материалы и стали основой для рецензируемой коллективной монографии эстонских и немецких авторов.

Автор третьей главы *«Об эстонских записях, сделанных в германских лагерях для военнопленных во время Первой мировой войны»* (с. 41–57) и редактор книги Яан Росс дает характеристику эстонским записям в берлинских звуковых архивах. По его мнению, особую ценность эти записи представляют для современных ученых с точки зрения изучения эстонских диалектов, а также использования в экспериментально-фонетических исследованиях. В частности, качество граммофонных записей позволяют делать это без особых проблем. Кроме того, сопроводительные документы к записям содержат данные о происхождении информанта, о его родителях, уровне образования, профессии, языковых навыках, месте проживания, владении музыкальными инструментами и др. Также автор приводит сведения о количестве эстонских записей: архивные документы указывают, что первоначально было 29 записей на граммофонных (шеллаковых) пластинках и 6 – на фонографических восковых валиках. На сегодняшний день в Лаутархиве университета им. Гумбольдта отсутствуют 12 шеллаковых пластинок с записями эстонской речи и фольклора начала XX в., местонахождение которых неизвестно.

Повышенное внимание автора вызывает личность лингвиста Германа Якобсона, который был приглашен в комиссию для работы с эстонскими записями и лично провел интервью с 22 информантами-эстонцами.

В 4-й главе *«Военнопленные как языковые информанты: наблюдения двух архивистов/историков»* (с. 58–84) ее авторы Ааду Муст (Aadu Must), профессор архивного дела Института истории и археологии Тартуского университета, и Кадри Тооминг (Kadri Tooming), сотрудник Исторического архива Эстонии, оценили значение эстонских записей в Берлине с историко-биографической точки зрения. На основании архивных материалов, газетных публикаций того времени и ряда других документов им удалось проследить судьбу и некоторые важные эпизоды из жизни 22 эстонских информантов, чьи голоса были записаны в 1915–1918 гг. По мнению авторов, обнаруженные в берлинских архивах звуковые и рукописные материалы, являются существенным вкладом в открытие малоизвестных фактов из истории Эстонии начала XX века.

В 5-й главе *«Акустические характеристики длительности в ранних эстонских записях»* (с. 85–98) сотрудник Института эстонского и общего языкознания Тартуского университета Пяртел Липпус (Pärtel Lippus) рассматривает особенности функционирования трех степеней долготы в речи информантов из берлинских архивов и сравнивает их с данными современных исследований. Его анализ показывает, что, по сравнению с современными, в архивных записях наличие трех степеней долготы более очевидно, в то время как тональные характеристики на сегменте уровне менее контрастны. Автор, основываясь на экспериментальных данных, считает, что стиль чтения также изменился: темп речи современных носителей эстонского языка на 20% выше, а тональные характеристики менее выразительны, чем 100 лет назад.

В следующей главе *«Диалектные особенности в записях эстонской речи в Берлинских архивах»* (с. 98–109) диалектолог и историк эстонского языка, профессор Тартуского университета Карл Пайуса-

лу (Karl Rajusalu) высказывает мнение об особенностях распространения эстонских диалектов во второй декаде XX века. Он обращает внимание на то, что записи, сделанные в Германии, опираются большей частью на письменные эстонские тексты. Тем не менее, при чтении в них явно проявляются определенные диалектные черты. Особый интерес, по его мнению, представляют записи, в которых 8 информантам из Южной Эстонии предлагается прочитать на своем диалекте выдержки из Библии, предназначенной для носителей северо-эстонского диалекта. Таким образом, автор детально рассматривает диалектные особенности в речи каждого эстонского информанта, записанного в Германии.

7-я глава книги *«Записи текстов Библии на южно-эстонском: наблюдения над историческим переводом»* (с. 110–124) Кристиины Росс (Kristiina Ross), исследователя из Института эстонского языка в Таллинне, посвящена рассмотрению литературного перевода Библии на основные диалекты эстонского языка. На их анализе автор пытается определить, отрывки из какого перевода Библии были предложены эстонским информантам для прочтения во время проведения записей. В итоге автор приходит к выводу, что, несмотря на то, что при подобном методе исследования диалектные особенности речи каждого информанта наблюдаются отчетливо, вряд чтение отрывков из Библии полностью годится для сбора диалектологического материала.

Автор 8-й главы *«Наблюдения о фольклорном или литературном происхождении рассказов из записей эстонской речи в Берлине»* (с. 125–146) Арво Крикманн (Arvo Krikmann), старший научный сотрудник Эстонского литературного музея, рассматривает, к какому типу сказок, согласно Международному указателю сказочных сюжетов (ATU), принадлежат сказки, записанные в Германии от эстонских информантов. Среди записей, помимо библейских сюжетов, 5 из них являются сказками, 4 из которых входят вышеупомянутый Указатель сюжетов. Автор также приводит несколько карт с указанием распространения тех или иных типов сказочных сюжетов.

В 9-й главе *«Записи песен эстонских военнопленных: репертуар и форма их представления»* (с. 147–177) Яника Орас (Janika Oras), этномузыковед, сотрудник Фольклорного архива Эстонского литературного музея стремится выявить мотивы выбора тех или иных песен для исполнения информантами. По ее мнению, в первую очередь, на выбор песен могли повлиять ситуация, связанная с пленением, и обстоятельства, сложившиеся в момент записи. В целом отмечается, что сентиментальные песни и баллады доминируют среди рассматриваемых эстонских записей. В более широком контексте автор рассматривает роль и значение этих песен в ряду других эстонских песенных коллекций начала XX в.

Подводя итог сказанному, отметим широту и фундаментальность подхода авторского коллектива к рассматриваемой теме. Материалы «забытой» войны, как часто называют Первую мировую войну в российской историографии, оказываются ценным источником для научных исследований во многих областях знания. Кроме того, введение в научный оборот новых источников чрезвычайно значимо для изучения и сохранения уникального культурного наследия для будущих поколений. Именно так можно рассматривать и оценить фундаментальный труд эстонских и немецких ученых, посвященный записям военнопленных эстонского происхождения из берлинских архивов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов В. Н. История одного «невоенного» проекта: фонографические и грамофонные записи военнопленных-удмуртов в 1915–1918 гг. в Австро-Венгрии и Германии // Удмуртский край в годы Первой мировой войны / УИИЯЛ УрО РАН; общ. ред. А. Е. Загребина и Н. В. Тойкиной. Ижевск, 2014. С. 170–177.
2. Денисов В. Н., Загребин А. Е. «Забытые голоса» Первой мировой войны // Вопросы истории. 2015. № 10. С. 130–136.
3. Мункачи Б. В лагере военнопленных в Эстергеме // Подарок Мункачи. Песни и сказания. Ижевск: Удмуртия, 1983. С. 70–79.
4. Beke Ö. Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern. Helsinki. 1938.
5. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. Wien und Leipzig, 1926.
6. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1952. Vol. 102.

*Денисов В.Н., кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН*